

Оглавление

Предисловие	5
1. Зарождение семасиологического направления в русской грамматике XVIII в. (М.В. Ломоносов)	6
2. Грамматика А.А. Барсова	25
3. Зарождение ономазиологического направления в русской грамматике начала XIX в. (И.С. Рижский, И. Орнатовский)	42
4. Общая грамматика Л.Г. Якоба	48
5. Грамматика Н.И. Греча	55
6. Русские последователи Карла Беккера (П.М. Перевлесский, П.Е. Басистов, И.И. Давыдов)	64
7. Грамматическое учение А.Х. Востокова	74
8. Грамматическая концепция Ф.И. Буслаева	83
9. Лингвистическая концепция А.А. Потебни	101
10. Грамматическая концепция Д.Н. Овсянико-Куликовского	113
11. Лингвистическая концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ	126
12. Лингвистическая теория Н.В. Крушевского	142
13. Лингвистическое учение В.А. Богородицкого	149
14. Формальная грамматика Ф.Ф. Фортунатова	164
15. Синтаксическое учение А.А. Шахматова	175
16. Синтаксическая теория А.М. Пешковского	198
17. Грамматическая концепция Л.В. Щербы	215
18. Лингвистическая концепция И.И. Мещанинова	230

19. Грамматическое учение В.В. Виноградова	253
20. Ономаσιологическая («функциональная») грамматика межуровневого типа А.В. Бондарко	275
21. Авторская модель ономаσιологической грамматики стратификационного (дисциплинарного) типа	292
Заключение	308
Послесловие	318

*Светлой памяти
Юрия Сергеевича Маслова
посвящается эта книга*

Предисловие

В предлагаемом курсе лекций впервые в лингвистической историографии предпринята попытка проследить судьбу русского языкознания с двух точек зрения — семасиологической и ономасиологической. В первом случае мы имеем дело с концепциями, авторы которых исходили по преимуществу из потребностей получателя речи (слушающего). Эти концепции составляют семасиологическое направление в русском языкознании. Во втором случае, напротив, мы имеем дело с теориями, авторы которых брали за основу потребности отправителя речи (говорящего). Эти теории составляют ономасиологическое направление в отечественной лингвистике. Подобным образом описана история европейского языкознания в моей докторской диссертации «Ономасиологическое направление в грамматике» (1-е изд. — Иркутск, 1990; 2-е изд. — М., 2007).

В качестве рекомендуемой литературы по истории русского языкознания отмечу здесь лишь следующие источники:

1. *Березин Ф.М.* Русское языкознание конца XIX — начала XX в. — М., 1976.
2. *Березин Ф.М.* История русского языкознания. — М., 1979.
3. *Березин Ф.М.* История советского языкознания: Хрестоматия. — М., 1981.
4. *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. — Минск, Т. 1 — 1976; Т. 2 — 1977; Т. 3 — 1978.
5. *Виноградов В.В.* История русских лингвистических учений. — М., 1978.
6. Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина. — М., 1973.
7. *Щеулин В.В., Медведева В.И.* Хрестоматия по истории грамматических учений в России. — М., 1965.

1. Зарождение семасиологического направления в русской грамматике XVIII в. (М.В. Ломоносов)

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) — родоначальник семасиологического направления в русской грамматике. Его «Российская грамматика» (1755) — типичная семасиологическая грамматика. Она построена по схеме, выработанной ещё александрийскими языковедами и их римскими последователями. Но их влияние на русского грамматиста не было непосредственным, оно было опосредовано, в первую очередь, авторами грамматик старославянского и немецкого языков. Авторами первых грамматик старославянского языка были **Лаврентий Зизаний (род. в 50—60 гг. XVI в. — умер после 1634)** и **Мелетий Герасимович Смотрицкий (ок. 1578—1633)**.

Л. Зизаний снискал себе славу как автор учебника по старославянскому языку. Подобно «Малому руководству» Э. Доната, он был построен в форме вопросов и ответов и носил название «Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми частей слова и иных нуждных» (1596). Вот как украинский учёный подходил к определению грамматики: «Грамматика есть известное вежество, еже благо глаголати и писати». Или «Грамматика есть певное ведане, жебысь мы добре мовили и писали» (цит. по: *Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Т. 1. — Минск, 1976. С. 106*). Данное определение грамматики является ономасиологическим, поскольку в его основе лежит точка зрения отправителя речи, но по исполнению своему грамматика Л. Зизания является семасиологической. Её дисциплинарная структура традиционна. Она включает четыре дисциплины: орфографию, просодию, этимологию (морфологию) и синтаксис.

Орфография определяется Л. Зизанием как первая часть грамматики, которая нас учит «абысмо каждое писмо на его месци писали» (там же). Иначе говоря, орфография — это наука о том, как каждую букву на своём месте писать. Термин *писмо*, вместе

с тем, употреблялся Л. Зизанием не столько по отношению к букве как таковой, сколько по отношению к букве и к связанному с ней звуку одновременно. Графическая классификация у него выступает одновременно и как фонетическая классификация. «Орфография» поглощает у Л. Зизания как графику, так и фонетику. Подобный дисциплинарный синкретизм характерен и для его «просодии». В ней даются сведения из акцентологии (о видах ударений), графики (о диакритических знаках) и из пунктуации (о знаках препинания). Среди последних мы обнаруживаем у украинского учёного запятую, двоеточие («двосрочие»), точку с запятой («подстолие») и точку. В указанном дисциплинарном синкретизме внутрилингвистические науки (фонетика и графика) слиты с внешнелингвистическими, а именно — с лингвистическими (орфографией и пунктуацией). Это не случайно. Вплоть до XIX—XX вв. лингвистическая наука развивалась в Европе как наука нормативная и описательная одновременно. Это свидетельствует о том, что дисциплинарный синкретизм — как свойство любой зарождающейся науки — может сохраняться в ней очень долго.

Автоматическое перенесение морфологических категорий греческого и латинского языков на почву изучения других языков было характерной чертой всех национальных грамматик, которые стали появляться в Западной Европе в XVI—XVII вв. Не избежал греко-латинской схемы в своей морфологии и Л. Зизаний. Мы обнаруживаем у него тот же состав частей речи, что и в европейском первоисточнике традиционной семасиологической морфологии — грамматике Дионисия Фракийского. Это артикль («различие»), имя, местоимение («местоимя»), глагол, причастие, предлог, наречие и союз. Морфологические категории отдельных частей речи полностью заимствовались из Дионисия. Так, у старославянского имени, как и у греческого, выделялось лишь пять падежей: именительный («именовный»), родительный («родный»), дательный, творительный и винительный («виновный»). Имени также приписывались категории рода (мужского, женского, среднего и общего), числа (единственного, двойственного и множественного), степени сравнения («положенной, разумной и превысшей»). В свою очередь, у глагола выделялись категории вида («первообразного и производного»), залога («делательного, страдательного, среднего, посредственного, общего»),

времени («настоящего, протяженного, мимошедшего, пресовременного, неопредельного, будущего»), лица (первого, второго, третьего) и наклонения («образа») изъявительного, повелительного, желательного, неопредельного (т.е. неопределенного, выражаемого формой инфинитива).

Синтаксис истолковывался Л. Зизанием как наука о словосочетании, однако в его грамматике есть и определение предложения («слова»). Он писал: «Слово есть речений сложение, еже являет мысль самосовременно» (там же, с. 107). Здесь под предложением понимается не что иное, как сочетание слов, выражающее самостоятельную мысль.

В книге «Ономасиологическое направление в грамматике» (М., 2007. С. 150) я указываю на тот факт, что между грамматиками Жака Дюбуа (1531) и Луи Мегрэ (1548) имеется существенная разница: в первой французский язык описывается в абсолютном соответствии с категориями, заимствованными из латинских грамматик Доната и Присциана, тогда как во второй мы обнаруживаем первые попытки автора применить категории латинской грамматики к описанию родного языка не автоматически, а творчески, с оглядкой на его национальную специфику. Подобное отношение обнаруживается и между грамматиками Л. Зизания и М. Смотрицкого. Если в первой схема традиционной, семасиологической, грамматики накладывается на грамматику старославянского языка автоматически, то во второй представлена первая попытка применить категории традиционной грамматики к изучению старославянского языка не механистически, а критически, с осознанием национального своеобразия этого языка. Мелетий Смотрицкий — украинский Луи Мегрэ.

Свой учебник по старославянскому языку М. Смотрицкий назвал витиевато: «Грамматика славенская правильное синтагма...». Она была издана впервые в 1619 г., но в дальнейшем много раз переиздавалась. Её использовали в качестве наиболее авторитетного пособия по старославянскому языку не только в XVII, но и в XVIII в. Недаром М.В. Ломоносов назвал эту книгу (вместе с арифметикой Магницкого) «вратами учёности».

Как и в грамматике Л. Зизания, в книге М. Смотрицкого четыре части — орфография, морфология («этимология»), синтаксис и просодия. В каждой из них обнаруживается оригинальность автора, свидетельствующая о том, что он положил начало творчес-

кому отношению к категориям славянских грамматик. В первой части своей грамматики он, в частности, указывает на то, что буквы «Ъ» и «Ь» не обозначают каких-либо звуков. Этот факт свидетельствует о том, что М. Смотрицкий стал осознавать разницу между понятиями звука речи и буквы. В свою грамматику он приносил факты живых восточнославянских языков. Об этом говорит, например, такой факт: он указывает в своей работе на двоякое произношение согласного [Г] — твёрдое и ффрикативное.

Грамматика М. Смотрицкого морфологоцентрична, поскольку наука о частях речи и их акциденциях занимает в ней центральное место. Заслуга украинского учёного в этой области состоит прежде всего в том, что он предпринял попытку впервые в науке о старославянском языке по-новому подойти к самой проблеме классификации слов по частям речи. Он исключил артикль из состава частей речи старославянского языка. Вместо него, вслед за авторами латинских грамматик, он ввёл в состав частей речи этого языка междометие. В конечном счёте в грамматике М. Смотрицкого сохраняется традиционное число частей речи — восемь. Это — имя, местоимение, глагол, причастие, предлог, наречие, союз и междометие. В описании акциденций этих частей речи он стремился исходить из их собственной морфологической природы. Так, Учёный ввёл в морфологию старославянского языка шестой, предложный (в его терминологии — «сказательный») падеж. Во многом по-новому он интерпретировал и другие морфологические категории старославянского языка. Он по-особому, в частности, описывал глагольную категорию вида. Глаголы несовершенного вида он подразделял на подвиды — «начинательные» (каменею, трезвею) и «учащательные» (читаю, бегаю). Впервые в науке о славянских языках украинский языковед указал на наличие в этих языках деепричастий.

Грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого были первыми авторизованными грамматиками старославянского языка (до них были созданы грамматики, авторы которых неизвестны). У М.В. Ломоносова были предшественники и в науке о русском языке. Ещё до опубликования его «Российской грамматики» (конец XVII — первая половина XVIII вв.) были созданы Грамматики русского языка. Их авторами были **Генрих Лудольф (1655—1712)**, **Иван Семенович Горлицкий (1688—1777)** и **Василий Евдокимович Адодуров (1709—1780)**. Первый написал свою грамматику по-латински, вто-

рой — по-французски, а третий — по-русски. Грамматика И.С. Горлицкого была опубликована в 1730 г. Она преследовала практическую цель и была весьма незначительной по объёму (всего 62 страницы). Для истории русской грамматики она интересна как первая ласточка в формировании ономаσιологического направления, поскольку в ней отражены идеи авторов грамматики Пор-Рояля. Грамматики Г. Лудольфа и В.Е. Адодурова были семасиологическими.

Первая русская грамматика была написана иностранцем. Г. Лудольф был немцем, хотя жил и работал в Англии. Его «Русская грамматика», в которой изложены не только главные основы русского языка, но также и некоторое руководство по славянской грамматике была издана в 1696 г. (приблизительно за 60 лет до опубликования «Российской грамматики» М.В. Ломоносова). Несмотря на то что грамматика Г. Лудольфа является первой грамматикой русского языка, она не выглядит как калька с традиционной семасиологической. В ней автор исходит из собственной природы русского языка, а не только из категорий, выработанных на почве изучения классических языков.

Г. Лудольф был первым исследователем отличий, имеющих между старославянским и русским языками. Задолго до А.Х. Востокова он указал, в частности, на такие особенности русского языка, как полногласие (русск. «голова» — ст.-сл. «глава»), начальное «О» вместо «Е» (русск. «осень» — ст.-сл. «есень») и т.п. Но главная заслуга Г. Лудольфа — стремление выводить морфологические категории из национальной специфики русского языка, а не из грамматик других языков. Так, он выделил в русском языке семь падежей, тогда как в греческих грамматиках их только пять. Вместе с тем, Г. Лудольф был ещё очень осторожен в определении специфических категорий русской грамматики (он, например, ещё приписывал русским именам не только единственное и множественное, но и двойственное число).

В.Е. Адодуров — автор первой русской грамматики, написанной на русском языке (1731). К сожалению, она не была опубликована. До нас дошли лишь её рукописные копии. Важно, однако, отметить, что М.В. Ломоносов был знаком с грамматикой В.Е. Адодурова, хотя и отнёсся к ней весьма высокомерно. Он считал её «весьма несовершенной и во многих местах неисправной» (цит. по: *Березин Ф.М.* История русского языкознания. — М., 1979. С. 15).

В.Е. Адодуrow исхoдил из традициoннoгo представлениa o дисциплинарнoй структуре грамматики. Он включал в неё орфографию, морфологию, синтаксис и просoдию. Первая из этих дисциплин, по В.Е. Адодуrowу, изучает буквы и их употреблениe, вторая — слова и их свойства, третья — соединениe слов и четвёртая — правильное произношениe. Мы обнаруживаем здесь некое переосмыслениe задач, связанных с отдельными грамматическими науками. Это касается просoдии. В.Е. Адодуrow стал интерпретировать её как орфоэпию. Её назначениe учёный видел в том, чтобы изучать, «как надлежит всякое в речи положенное слово правильно выговаривать» (там же, с. 17). Более оригинален автор анализируемой грамматики был в области орфографии, которая ещё продолжала вмещать в себя графику, фонетику и элементы морфонологии.

В.Е. Адодуrow чётко отграничивал друг от друга понятия звука и буквы. Первое он называл «*звоном*» или «*гласом*», а другое — «*литерой*». Он писал: «Мы замечаем в нашем языке многие голoсы, которые принятыми от нас литерами изъяснить весьма можно, а напротив того, находим в наших литерах и то, что некоторые гласы двумя или тремя знаками изъясняются» (там же, с. 17).

В.Е. Адодуrow был сторонником фонетического принципа в русской орфографии. Вот как он сам писал об этом: «Должны мы... во-первых, самое произношениe почитать за наше главное правило и оному в письме сколько можно точно последовать» (там же). Разграничениe букв и звуков позволило первому русскому автору русской семасиологической грамматики прийти к выводу o том, что из русской графики необходимо устранить такие лишние буквы, как Ъ, фита и ижица. Мы находим у него также любопытные наблюдения за фонетическими (например, [п] и [б] в «*обтираю*» и «*оботру*») и морфонологическими («*бегу*—*бежать*», «*муха*—*мушка* и т.п.) чередованиями.

Грамматика В.Е. Адодуrowа, бесспорно, оказала влияние на будущие работы М.В. Ломоносова, но авторы курсов по истории русского языкознания, как правило, не обращают внимания на тот факт, что родоначальник русской грамматики был прекрасно знаком с немецкими грамматиками. По структуре «Российская грамматика» ближе всего к грамматике Й.К. Готшеда, которая вышла в свет в 1748 г. — за семь лет до публикации грамматики М.В. Ломоносова.

На первый план у Й.К. Готшеда выдвинуты собственно грамматические дисциплины — морфология и синтаксис. Свою главную задачу он видел в том, чтобы систематизировать правила формообразования и словосочетания. Так, первое правило в его синтаксисе гласит: «Артикль должен всегда стоять в подобном роде, числе и падеже со своим существительным, прилагательным или причастием» (цит. по: *Даниленко В.П.* Ономаσιологическое направление в грамматике. — М., 2007. С. 202).

Подобным образом построена и «Российская грамматика» М.В. Ломоносова. Это первая печатная грамматика русского языка, написанная на родном языке автора (грамматика В.Е. Адоурова не была напечатана). Кроме того, последняя не может конкурировать с первой и по своей научной значимости. Грамматика М.В. Ломоносова — мощный фундамент русской грамматической науки. От неё веет величием. Это можно почувствовать, например, по таким словам её автора: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики». И далее он поясняет почему: «И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» (*Ломоносов М.* Российская грамматика. — СПб., 1755. С. 8). Ни оратор, ни поэт, ни философ, ни историк, ни юрист не могут обойтись без грамматики, без знания её правил — вот какое значение М.В. Ломоносов придавал нормативному аспекту своего труда. Кажется, пришло время вспомнить об этих словах великого русского учёного, поскольку в наше время приходится нередко слышать высказывания, свидетельствующие о пренебрежительном, невежественном отношении к грамматической науке. Слова М.В. Ломоносова о значении этой науки для различных областей культуры особенно значимы, поскольку их автор был гениальным энциклопедистом.

Одна из ярких особенностей ломоносовской грамматики — отсутствие в ней чёткой дисциплинарной структуры, хотя морфология и синтаксис занимают в ней центральное положение. Мы не обнаружим в её оглавлении указания на традиционные разделы грамматики — орфографию, этимологию, синтаксис и просодию. «Российская грамматика» состоит из шести «наставлений». Последнее «наставление» главным образом посвящено синтаксису, а три предпоследних — морфологии. Дисциплинарная природа двух первых «наставлений» в анализируемой грамматике чрезвычайно

гибридна. В них имеются сведения как из «внешней» лингвистики (философии языка, орфоэпии, орфографии и др.), так и из «внутренней» (фонетики, словообразования, лексикологии, морфологии и синтаксиса).

В области **философии языка** М.В. Ломоносов высказал идеи, связанные с коммуникативной функцией языка («слова»). Следовательно, он сделал первые подступы к лингвосемиотике. Учёный писал: «По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит... первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей» (там же, с. 20). В другом месте читаем: «Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому» (там же, с. 23). В языковых знаках М.В. Ломоносов видел наиболее совершенное средство общения. Так, он высказал мысль о превосходстве слов перед кинесическими (жестово-мимическими) знаками: «Правда, что, кроме слова нашего, можно бы мысли изображать было чрез разные движения очей, лица, рук и прочих частей тела, как то пантомимы на театрах представляют, однако таким образом без света было бы говорить невозможно, и другие упражнения человеческие, особливо дела рук наших, великим были бы помешательством такому разговору; не упоминая других непристойностей» (там же, с. 21).

Включение лингвоэтических дисциплин в грамматику М.В. Ломоносова неслучайно. Как и другие языковеды прошлого, её автор ещё не ограничивал описательного аспекта грамматики от нормативного. Вот как М.В. Ломоносов определял грамматику: «Грамматика есть философское понятие всего человеческого слова; а особливая, какова российская, грамматика есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению» (там же, с. 40).

В области **культуры речи** основное внимание в своей грамматике М.В. Ломоносов уделил этике письменной речи, т.е. орфографии и пунктуации. В главе «О правописании» учёный обосновывает своё понимание задач русской орфографии. Он указывал: «В правописании наблюдать надлежит: 1) чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему российской грамоте, 2) чтобы не отходило далече от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский, 3) чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) чтобы не закрывались совсем следы произвождения и сложения речений» (там же, с. 41). В пос-

леднем из этих пунктов уже есть намёк на фонологический принцип русской орфографии. В главе «О знаках» учёный описывает знаки русской пунктуации, их у него семь — запятая, точка, двоеточие, точка с запятой, вопросительный знак, восклицательный («удивительной») и скобки («единительно-вместительный» знак).

В области **фонетики** М.В. Ломоносов сосредоточил своё внимание на разграничении понятий звука и буквы. Звуки он назвал «неразделимой частью человеческого слова». Учёный писал: «Таковые неразделимые части слова изображаются по их разности различными начертаниями, которые называются по-нашему “*буквы*”» (там же, с. 15). Чтобы показать разницу между звуками и буквами на конкретном примере, он указал в своей работе на тот факт, что буква «Г» может обозначать разные звуки (ср. слова *Бог*, *друг* и т.п.).

Отграничение звуков от букв позволило М.В. Ломоносову положить основу артикуляционной классификации русских звуков. Он подразделял их на гласные («самогласные») и согласные, которые делил на губные (б, в, м, п, ф), язычные (д, л, н, р, т, ц, ч), зубные (ж, з, с, ш), поднебные (г, к) и гортанные (х). К сожалению, в своей классификации звуков он ещё не был до конца последователен в отграничении звуков от букв. Это выразилось в том, что, классифицируя гласные на «тонкие» и «дебелые», он ставил в один ряд звуки и буквы. При этом к «тонким» он относил как [И], так и «Я», «Ю», а к «дебелым» — как [А, Ы, О, У], так и «Е». Буквы «Я», «Ю», «Е», как известно, могут обозначать не только гласные, но и сочетание йота с соответствующим гласным.

В области **словообразования** мы находим у М.В. Ломоносова указание на два способа словообразования — аффиксальный и композитный. Первый из них он называл «произвождением», а другой — «сложением». «Произвождение, — писал учёный, — состоит в наращении складов, например: от имени «*гора*» произошли имена «*горница*», «*горист*», «*горной*»; от «*рука*» — «*рукавица*», «*рукоятка*», «*ручка*», «*ручной*». Сложение бывает от совокупления двух или многих речений воедино: «*поруча*» из имени «*рука*» и предлога «*по*»; «*рукомойник*» от «*рука*» и «*мою*» (там же, с. 28).

М.В. Ломоносов связывал необходимость в «произвождении» и «сложении» со способностью человека создавать всё более и более сложные понятия. Он писал: «Как все вещи от начала в ма-

лом количестве начинаются и потом присовокуплениями возрастают; так и слово человеческое, по мере известных человеку понятий, в начале было тесно ограничено, и одними простыми предложениями (Ф. Бопп сказал бы “корнесловами”. — В.Д.) довольствовались. Но с приращением понятий и само помянулось умножилось, что происходило производством и сложением» (там же). Мы обнаруживаем здесь попытку исторического объяснения словообразовательных явлений с точки зрения общей теории развития.

В области **лексикологии** у М.В. Ломоносова имеются некоторые соображения о понятии семантического поля. «Все вещи, — писал он, — совокупляются в некоторые общества, ради взаимного подобия, которое называется одним именем: например, *орёл, ястреб, лебедь, соловей* и прочие состоят под единым именем “птица”, что знаменует род; а *орел, ястреб, лебедь, соловей* и другие птицы суть виды» (там же, с. 27). Понятие семантического поля в лексикологии будет основательно исследовано лишь в первой половине XX столетия Й. Триром и Л. Вайсгербером. Зародыш этого понятия представлен ещё у М.В. Ломоносова. Известные логические категории рода и вида он стал рассматривать в лингвистическом контексте.

Ведущее место в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова занимает **морфология**. Её автор выделял традиционное число частей речи — восемь, но интерпретировал он их оригинально. Прежде всего он делил их на «главные» (или «знаменательные») и «служебные». К первым М.В. Ломоносов относил только имена и глаголы, а к другим — местоимения, причастия, наречия, предлоги, союзы и междометия (там же, § 45). В дальнейшем при цитировании я буду указывать только соответствующие параграфы. Пространные выдержки из грамматики М.В. Ломоносова даются в хрестоматиях В.В. Шеулина, В.И. Медведева («Хрестоматия по истории грамматических учений в России. — М., 1965) и Ф.М. Березина (Хрестоматия по истории русского языкознания. — М., 1973).

В имена М.В. Ломоносов включал не только существительные, но и прилагательные. Он писал: «Воображение вещей приводит в ум наш купно их качества. Вещи к качествам не присоединены необходимо, качества без вещи самой быть не могут. Итак, имена, значащие вещь самую, называются существительные, например, *огонь, вода*, значащие качество именуются прилагательные: *великой, светлой, быстрая, чистая*» (там же, § 50).

Вместе с тем, при отграничении имен от глаголов, учёный подходил к определению имён вообще, принимая во внимание лишь существительные. «Слово дано для того человеку, — указывал он, — чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесные вещей называются имена, напр.: *небо, ветер, очи*; изображения деяний — глаголы, напр.: *синеет, веет, видят*» (там же, § 40).

«Служебные» части речи М.В. Ломоносов подразделял на две группы: те, которые выражают отношения между «знаменательными» частями речи, и те, которые служат для того, чтобы иметь возможность «слово свое сократить и выключить скучные повторения одного речения». Вот как пояснял он назначение «сокращающих» частей речи, к которым он относил местоимения, наречия, междометия и причастия (к первой же группе он причислял предлоги и союзы): «Местоимение полагается вместо имени; наречие изображает единым речением обстоятельства; междуметие представляет движение духа человеческого кратко. Пример первого и второго, если бы кто, говоря сам о себе, сказал: *Семпроний Клавдиев тысяча семьсот пятьдесят пятого года июля 15 дня нахожусь в Новгороде; после нынешняго дня и ночи буду на другом месте*, что всё кратко сказать можно: *Я ныне здесь, а завтра буду инде...* Пример третьего: *...ба!* вместо сего: *Я удивляюсь, что тебя здесь вижу*» (там же, § 42). А о причастиях он писал в аналогичном духе в § 44: «Сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу: “приведённый” вместо “которого привели”». «Сокращающие» части речи мы обнаруживаем также у Кондильяка (см.: *Даниленко В.П.* Ономаσιологическое направление в грамматике. — М., 2007. С. 188).

На передний план у М.В. Ломоносова выдвинуты две части речи — имя и глагол. Их описанию посвящены отдельные «наставления» в его грамматике — третье и четвёртое. При исследовании этих частей речи её автор в целом исходил из традиционного представления о морфологических категориях указанных частей речи. У имён он усматривал четыре категории — степень сравнения, число, падеж и род. Первая из них имеет отношение только к прилагательным. Вот как писал о ней сам М.В. Ломоно-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru